

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

На правах рукописи

Корбелла Катерина
**Творчество Ф.М. Достоевского в католической рецепции:
Романо Гуардини, Диво Барсотти, Луиджи Джуссани**

Специальность 5.9.1.
Русская литература и литературы народов Российской Федерации
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Научно-исследовательском центре «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Научный руководитель	Касаткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук
Официальные оппоненты	Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» Ковалевская Татьяна Вячеславовна, доктор философских наук, кандидат филологических наук, PhD (Yale University), доцент, заведующая кафедрой европейских языков факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
Ведущая организация	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Защита состоится «15» мая 2025 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета Д 24.1.080.03 при ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»: <http://imli.ru>

Автореферат разослан « » марта 2025 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В XX в. известные представители католицизма обращались к художественной литературе, открывая для себя ее способность передавать религиозный опыт особым образом, который отличается от обычных структур философского и богословского высказывания. Факт этого обращения зафиксирован в истории науки, однако он остается пока еще малоизученным, особенно с филологической стороны. Подчеркнем, что речь идет о таких крупных мыслителях, как Р. Гуардини (R. Guardini, 1885–1968), А. де Любак (H. de Lubac, 1896–1991), Х.У. фон Бальтазар (H.U. von Balthasar, 1905–1988) и др., существенно повлиявших на современное самосознание Католической церкви. Ф.М. Достоевский — не просто единственный русский писатель, которому в этом контексте уделяется исключительное внимание: его присутствие в работах католических мыслителей, обращавшихся к художественной литературе, выделяется и на фоне других, не русских авторов. При том что список рассматриваемых писателей может варьироваться у разных исследователей, Достоевский вместе с Данте фигурирует чуть ли не у каждого. Этот факт представляет особый интерес для исследователей русской литературы, позволяя увидеть еще одну из областей такой востребованности русского писателя, при которой он не просто встраивается в другую культуру, но оказывается в ней новым формирующим ее фактором.

В произведениях Достоевского католические мыслители замечают актуальное для себя слово и поэтому стараются услышать его голос как можно отчетливее, чтобы вступить с ним в диалог. В ряде случаев этот диалог воплощается в полноценных исследованиях, которые можно отнести к некоему гибриднему пространству, объединяющему литературоведение,

философию и теологию. Таковы труды Р. Гуардини («Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben», 1939) и Д. Барсотти (D. Barsotti, 1914–2006; «Dostoevskij. La passione per Cristo», 1996), нацеленные на экзегезу творчества Достоевского. Другие авторы не говорят о писателе непосредственно, но о его важности для них свидетельствуют цитаты или упоминания его имени внутри текстов, не ему посвященных: такие случаи, когда слово Достоевского актуализируется в католической гомилетике, представляют собой своеобразный процесс его *эйсегезы*¹. Это явление здесь рассматривается на примере работ Л. Джуссани (L. Giussani, 1922–2005), в которых творчество Ф.М. Достоевского используется для создания собственного пастырского высказывания.

История католической рецепции Ф.М. Достоевского в XX–XXI вв. поднимает проблемы, ключевые как для теологической, так и для филологической науки, не последним здесь является вопрос о взаимоотношениях между разными областями исследования, о том, как духовные мыслители могут говорить о художественной литературе в своих работах и как художественная литература может стать местом особого богословского высказывания. Однако, несмотря на кажущуюся междисциплинарность, предлагаемая работа целиком относится к области филологии, поскольку в центре ее находятся вопросы *о функциональности литературы, о читательском восприятии и о герменевтике художественного текста Ф.М. Достоевского*. Тексты католических

¹ Термины *экзегезы* и *эйсегезы*, используемые в библеистике (см.: Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. М.: Издательство ПСТГУ, 2011. С. 22–23), применяются здесь к художественному тексту согласно тому, как это описывает Т.А. Касаткина: *эйсегеза* — это разворачивание потенциалов, которые читатель видит в тексте, надстраивание смыслов над текстом. *Экзегеза* — это движение не от границ текста вовне, но внутрь и вглубь. Исследователя в этом случае «не будет интересовать, что еще можно из этого вырастить. Его будет интересовать та ткань, которая уже состоялась» (см. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 37–38).

авторов здесь исследуются не с точки зрения собственно богословия, а с точки зрения читательской рецепции художественных произведений и самой личности Достоевского.

Рассуждения Гуардини по поводу места его исследований в современном ему академическом мире помогают понять отличительную черту его читательского запроса: «В начале века слово “наука” обозначало или естественные науки, или историю. В католической среде ситуация не отличалась от общей <...>. “Научно” заниматься богословием означало обнаруживать, что говорилось в какое-то время или какой-то личностью о каком-то вопросе. Однако это меня никогда не интересовало и до сих пор меня не интересует. <...> меня интересовало не то, что люди говорили о христианской истине, а то, что истинно»². Устремленность к истине, о которой говорит Гуардини, характеризует все проанализированные работы и определяет их методологические особенности, прежде всего — внимание к авторскому голосу. Услышать голос автора важно, чтобы справедливо судить о нем и войти в диалог с ним. Вопрос об авторской позиции в XX в. последовательно вытесняется из поля зрения литературоведения, вплоть до объявления «смерти автора» в конце 1960-х гг. Католическим мыслителям, наоборот, важно понять, чем живет Достоевский: они чувствуют его близким и значимым, им очевидно, что в его произведениях присутствует подлинная христианская глубина. Для анализируемых авторов чтение Достоевского — жизненно важное дело, в том смысле, что оно имеет прямое отношение к необходимости познавать смысл существования, к возможности его подлинного проживания. Именно присутствие оценки, потребность в

² *Guardini R. Appunti per un'autobiografia. Editi dall'opus postumum a cura di Franz Henrich / trad. G. Penati. Brescia: Morcelliana, 1986. P. 25.*

верификации прочитанного, посредством которой толкование произведения становится диалогом с его автором об истине, связывает католическую *экзегезу* творчества Достоевского с его католической *эйсегезой*.

Попытка понимания влечет за собой поиск путей вхождения в текст. В случае Р. Гуардини этот поиск ведется согласно принципам, разработанным им в течение семнадцати лет преподавания в Берлине с 1923 г. до 1939 г. Однако даже тогда, когда у автора нет осознанной рефлексии о собственном методе (как в случае Д. Барсотти), можно заметить, как предельное уважение к голосу другого определяет, хотя бы в идеале, позицию комментатора по отношению к тексту. Из этого следуют две взаимосвязанные особенности в работах Гуардини и Барсотти. Во-первых, внимание к связи деталей с целым, типичное для герменевтического подхода. Во-вторых, из вопроса об авторской позиции вытекает вопрос об инструментах, которыми доносят эту позицию до читателя, то есть вопрос о художественном методе автора. Подход, основанный на этих принципах, позволяет Гуардини и Барсотти в ситуации острой нехватки инструментария (незнание или поверхностное знание языка, культурного контекста и пр.) заметить (порой почти интуитивно) аспекты, которые касаются содержания произведений и художественного метода Достоевского и присутствие которых в XXI в. будет доказано русской достоевистикой уже исключительно филологическими методами.

Примечательно, что вышеупомянутые принципы: интерес к выявлению авторской позиции, возвращение к герменевтическому методу как наиболее адекватному для решения такой задачи, следующая за этим необходимость исследовать художественный метод автора — начиная с конца 1990-х становятся ключевыми для российской достоевистики. Целое поколение исследователей (А.Г. Гачева, В.Н. Захаров, Т.А. Касаткина, К.А. Степанян,

Б.Н. Тихомиров и др.), как и католические богословы, ставит своей целью услышать автора спустя долгие годы после того, как его объявили «мертвым» или же привязали его голос к определенному идеологическому содержанию. Для этого они обращаются к герменевтике, иногда заново переосмысливая ее, как в случае Т.А. Касаткиной, разрабатывающей «субъект-субъектный метод» чтения³. Отсылки к книгам Р. Гуардини «Человек и вера», изданной по-русски в 1994 г. в Брюсселе, и Д. Барсотти «Достоевский: Христос — страсть жизни», изданной в Москве в 1999 г., достаточно часто появляются в работах Т.А. Касаткиной, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. Можно, конечно, остановиться на самой очевидной причине актуальности книг Р. Гуардини и Д. Барсотти — на их внимании к христианскому содержанию произведений Ф.М. Достоевского, которым все упомянутые исследователи так или иначе заняты. В России к его осмыслению возвращаются в 1990-х гг., в постсоветское время, тогда как на Западе в течение всего XX в. оно находило свою нишу вне литературной критики, а именно — в философской и богословской (не только католической) рецепции. Вполне вероятно, именно из-за этого указанные книги привлекли внимание исследователей. Однако при более пристальном взгляде оказывается, что католическая рецепция Ф.М. Достоевского не только оберегала духовное содержание его произведений, но и сохраняла и развивала определенный метод, раскрывающий это содержание. Таким образом, история этого явления поднимает вопросы, до сих пор значимые для филологии: о способах, посредством которых литература может стать местом особого богословского высказывания, имеющего практическое воздействие

³ См. ее монографии: *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.; *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

на читателя, а также об исследовательских подходах, позволяющих подобные высказывания заметить и изучить. Анализ описанных проблем определяет **актуальность** предлагаемой работы.

Целью настоящего исследования является изучение рецепции Достоевского католическими мыслителями как вовлеченными читателями, выявление в их восприятии произведений писателя как методологических, так и содержательных аспектов, до сих пор актуальных для разрешения вопроса о духовном содержании его творчества.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: 1) определить место выбранных авторов (Р. Гуардини, Д. Барсотти, Л. Джуссани) в истории рецепции творчества Ф.М. Достоевского в католическом мире; 2) выявить вопросы, с которыми католические мыслители обращаются к творчеству Ф.М. Достоевского, рассмотреть их обусловленность историческим контекстом; 3) проанализировать работы Р. Гуардини («Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben») и Д. Барсотти («Dostoevskij. La passione per Cristo») в контексте антропологических, философских и теологических концепций авторов, выявляя методологические особенности каждого из них; 4) проанализировать опору на тексты Ф.М. Достоевского в католической гомилетике на примере работ Л. Джуссани; 5) выявить в рассмотренных материалах наиболее обоснованные, оригинальные и интерпретационно продуктивные суждения о творчестве Достоевского, касающиеся и содержания произведений, и творческого метода автора, — в частности, путем сравнения с толкованиями других читателей-католиков (философов и богословов) и с достижениями современной достоевистики.

Объектом исследования является католическая рецепция творчества и личности Ф.М. Достоевского на примере трех авторов: Р. Гуардини, Д. Барсотти, Л. Джуссани.

Предметом исследования являются интерпретации указанными авторами религиозного содержания произведений Ф.М. Достоевского, полученные в результате анализа художественного способа передачи этого содержания.

Материалом исследования служат труды выдающихся католических мыслителей, в которых Ф.М. Достоевский предстает и как объект исследования, и как авторитетный собеседник по антропологическим, философским и богословским вопросам. В центре работы находятся книга Р. Гуардини «Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben» («Религиозные фигуры в произведениях Достоевского. Эссе о вере», 1939) и книга Д. Барсотти «Dostoevskij. La passione per Cristo» («Достоевский. Страсть ко Христу», 1996), целиком посвященные русскому писателю. Последняя глава опирается на разные тексты католического священника и воспитателя Л. Джуссани: в частности, на первые две книги его фундаментальной трилогии «PerCorso» («Путь»): «Il senso religioso» («Религиозное чувство», 1997) и «All'origine della pretesa cristiana» («У истоков христианского притязания», 2001). Используются также менее известные тексты Л. Джуссани (статьи, выступления, курсы духовных упражнений). Нами привлекались также работы других авторов, обращавшихся к Достоевскому: «Le Drame de l'humanisme athée» («Драма атеистического гуманизма», 1945) А. де Любака и два текста Х.У. фон Бальтазара: сравнение Ницше и Достоевского, содержащееся в монографии «Apokalypse der deutschen Seele: Studien zu einer Lehre von letzten Haltungen» («Откровение немецкой души: исследования в области изучения конечных установок», 1938), и страницы, посвященные «Идиоту» в зрелом фундаментальном труде «Herrlichkeit. Eine Theologische Ästhetik» («Слава Господа. Богословская эстетика», 1961–1969). В главе, посвященной

Гуардини, внимание уделяется и другим работам автора, прежде всего, его исследованиям творчества Данте. В главе, посвященной Д. Барсотти, материалом служили также неизданные расшифровки его выступлений, посвященных Достоевскому. Были привлечены также тексты других католических авторов, в частности речи папы Франциска (Хорхе Марио Бергольо, Jorge Mario Bergoglio). Материалы были прочитаны на русском, итальянском и/или английском языках. Материалы, переведенные с немецкого и французского языков, сравнивались с оригиналом.

Степень изученности

Постановка проблемы на пересечении разных областей знания, с одной стороны, позволяет обнаружить незамеченную прежде нишу в научном пространстве, которую исследование заполняет, с другой — у каждой из этих областей своя история изучения. Постараемся здесь указать на основные из них.

Что касается вопроса **о связях литературы и богословия, как они развивались на Западе в XX в.**, необходимо упомянуть работу Н.А. Бакши («Преодоление границ. Литература и теология в послевоенный период в Германии, Австрии и Швейцарии (1945–1955)», 2013). Исследование напрямую касается того культурного пространства, о котором говорится здесь, хотя оно обращается не только к католическим, но и к протестантским авторам (писателям и теологам). Работа содержит ряд интересных замечаний и богата библиографией, которая освещает состояние изучения вопроса на немецком языке. Однако она отличается от данного исследования в двух главных аспектах. Во-первых, Н.А. Бакши занята в основном не тем, как религиозные мыслители толкуют художественную литературу, а обращением художественной литературы к религиозной тематике, что исследуется через призму компаративистики в немецкоязычном

пространстве. Во-вторых, что важнее, у нас с Н.А. Бакши разные **теоретические основы**: для нее важна *дифференциация* между художественным и богословским дискурсами, основанная на различии художественной и религиозной сфер, тогда как в данном исследовании художественный образ рассматривается не только как особый способ выражения богословского содержания, но и как инструмент передачи религиозного опыта. Такое видение искусства является центральным в работах Т.А. Касаткиной, которые служат методологической и теоретической основой данного исследования и которые Н.А. Бакши отклоняет. В этом ракурсе, принятом, в частности, в работе Касаткиной «Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского» (2015), мы рассматриваем вопрос **о функциональности литературы** (влиянии художественного текста на читателя), существенный для нашей работы. Важно напомнить, что в последние десятилетия исследователи теории литературы (и искусства) все чаще обращаются к проблеме рецепции художественных произведений. Среди видных фигур, развивавших это направление, можно назвать Р. Ингардена (R. Ingarden, «Das Literarische Kunstwerk», 1972), В. Изера (W. Iser, «Der Akt des Lesens. Theorie ästhetischer Wirkung», 1976), У. Эко (U. Eco, «Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrativi», 1979), Х.У. Гумбрехта (H.U. Gumbrecht, «Production of Presence. What Meaning Cannot Convey», 2004).

Следует упомянуть работы, посвященные **конфессиональной рецепции творчества Ф.М. Достоевского в широком смысле**, т.е. исследования, которые обращаются к католическому, но одновременно и к протестантскому и/или православному восприятию Достоевского. М. Шульт (M. Schult, «Im Banne des Poeten. Die theologische Dostoevskij-Rezeption und ihr Literaturverständnis», 2012) рассматривает это явление опять-таки

в немецкоязычном контексте, обращаясь, в частности, к работам Р. Гуардини, однако больше внимания уделяя протестантским теологам — К. Барту и Э. Турнайзену. Шульц отмечает «функциональный подход» Турнайзена и шире — всей протестантской рецепции Достоевского, а также отсутствие осознанно выраженной позиции по вопросу об отношениях богословия и литературы⁴; согласно исследователю, в Германии философия, литература, религия восприняли Достоевского до того, как литературоведение приобрело инструменты, чтобы понять автора. Вопрос о богословской критике Ф.М. Достоевского поднимается Л. Жаком (L. Žak) в статье «“Il romanzo come teologia”. Pensare e dire la fede in dialogo con Dostoevskij» (2017). Жак рассматривает творчество Достоевского в контексте современного ему богословия и в исследованиях таких православных авторов, как митр. Антоний (Храповицкий) и М.М. Тареев; затем обращается к католическому и протестантскому восприятию творчества Достоевского в поисках причин, которые делают его актуальным для богословия. Здесь, как и в других работах, посвященных взаимоотношению богословия и литературы в католическом мире, акцент поставлен на способности художественной литературы рассказывать истории, тогда как в настоящем исследовании центральным является понятие художественного образа. Оставим в стороне вопрос о трудах, посвященных православным авторам и русским религиозным философам, занимавшимся комментированием творчества Ф.М. Достоевского. Он требует отдельного внимания, и границы нашей работы не позволяют рассмотреть длинную историю его изучения. Стоит, однако, выделить недавно изданные статьи Н.Н. Подосокорского о рецепции Ф.М.

⁴ См.: *Schult M.* «Vor allem dürfen wir Dostojewsky nicht litteraturmäßig auffassen». Stationen theologischer Dostoevskij-Deutung im deutschen Sprachraum // *Dostoevsky Monographs*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып 6: Достоевский и христианство / под ред. Жорди Морильяса. С. 172.

Достоевского у митр. Антония Сурожского («“Одновременно я открыл Евангелие и Достоевского”. Митрополит Сурожский Антоний о Достоевском»; «Богословие Ф.М. Достоевского в восприятии митрополита Антония Сурожского», 2024), поскольку они тесно пересекаются с тематикой последней главы данного исследования: присутствие Ф.М. Достоевского в современной христианской гомилетике.

Вопрос о католической рецепции поднимается в работах, посвященных **национальной рецепции творчества Ф.М. Достоевского**. Книга Р. Гуардини косвенно упомянута в обзоре В.В. Дудкина и К.М. Азадовского («Достоевский в Германии», 1973); более развернутый комментарий к ней находится в статьях А.Б. Криницына «Достоевский в Германии» (2007) и С. Алоэ (S. Aloe) «Достоевский в итальянской критике» (2013). В работе А.Б. Криницына Р. Гуардини упоминается в разделе «Восприятие Достоевского немецкой церковью», где исследуются работы как католических, так и протестантских авторов. Криницын говорит о запаздывании католической рецепции по сравнению с протестантской и обращает внимание на защитную позицию некоторых католических критиков перед антикатолическими высказываниями Достоевского, в частности, в связи со страницами поэмы о Великом инквизиторе в романе «Братья Карамазовы». Работа С. Алоэ интересна тем, что, говоря о склонности к философскому и религиозному толкованию творчества Достоевского на итальянской почве, автор подчеркивает важную роль, которую в этом играл немец Р. Гуардини.

В 2005 г. вышла книга итальянского исследователя Э. Римоли (E. Rimoli) «Libertà alla prova. Commento teologico alla *Leggenda del Grande Inquisitore*». В ней поэма о Великом инквизиторе становится полем для **сравнительного анализа разных теологических толкований творчества**

Достоевского. Внимание автора сосредоточивается на католических, православных и протестантских теологах и религиозных мыслителях, обратившихся к этим страницам романа «Братья Карамазовы». Римоли не только систематизирует существующие материалы, но также, исходя из них, предлагает читателю интерпретацию поэмы, указывая на теологию как на «наиболее подходящее и подлинное направление [ее] истолкования»⁵. Среди других он упоминает и анализирует интерпретацию Р. Гуардини. Важно отметить, что страницы книги Гуардини, посвященные Великому инквизитору, всегда наиболее привлекали внимание исследователей. Анализируя их, Римоли положительно оценивает несколько отдельных аспектов, как, например, внимание автора «к месту поэмы в общей структуре повествования»⁶, но все-таки не соглашается с его выводами о том, что Христос Ивана — это совсем не Тот Христос, в Которого верит Церковь. Схожую позицию можно найти в книге Б.Н. Тихомирова «... Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». В ней российский исследователь структурирует главу «*Христос и истина* в поэме Ивана Карамазова “Великий инквизитор”» частично как диалог и полемику с католическим автором. Согласно Б.Н. Тихомирову, Гуардини первым указал на отсутствие связи между Христом и Отцом в представлении Инквизитора (что оценивает и К.А. Степанян), но с его выводами автор исследования не соглашается.

Католическая рецепция Ф.М. Достоевского как отдельное явление никогда не изучалась. С.М. Капилупи (S.M. Capilupi) рассматривает ее кратко в статьях «Достоевский, Италия и католицизм: три возможные перспективы» (2007) и «Dostoevskij e il cattolicesimo: memorie di un dialogo culturale» (2012),

⁵ Rimoli E. Libertà alla prova. Commento teologico alla Leggenda del Grande Inquisitore. Roma: Casa Editrice Miscellanea Francescana, 2015. P. 223.

⁶ Ibid. P. 72.

однако он сосредоточивается исключительно на восприятии Достоевского католическими философами, такими как С. Дживоне (S. Givone), Л. Парейсон (L. Pareyson), и др. Большую часть текста он посвящает противоположному явлению — восприятию католицизма у Достоевского. Стремление Капилупи рассматривать эту тему параллельно с рецепцией творчества Ф.М. Достоевского в католицизме нам представляется не особо плодотворным: вопросы разные и требуют разных подходов. В предлагаемой работе отношение рассматриваемых авторов к высказываниям Ф.М. Достоевского и его героев о католицизме описано там, где это необходимо, однако оценка этих высказываний и/или выяснение их значения в контексте мировоззрения писателя не входят в цели и задачи исследования. Вопрос о причинах интереса католического мира к творчеству русского писателя поднимал С. Альберто (S. Alberto) в небольшой статье на итальянском языке «Dostoevskij letto da un cattolico» (2012). О влиянии Ф.М. Достоевского на формирование такой известной личности Католической церкви, как папа Франциск, в частности, о преемственности между Р. Гуардини и римским понтификом в их толковании русского автора, написал Х.Л. Нарваха (J.L. Narvaja, «Il concetto “mitico” di popolo. Papa Francesco lettore di Dostoevskij», 2018). Тема статьи пересекается с вопросом о присутствии Ф.М. Достоевского в католической гомилетике, но он не является для автора стержневым.

Обращаясь непосредственно к текстам, которые служат материалом данного исследования, среди работ, посвященных книге **Р. Гуардини**, мы находим большое количество рецензий и предисловий к изданиям на разных языках, написанных богословами, философами и филологами. В 2003 г. филолог Дж. Гини (G. Ghini), специалист по творчеству Достоевского, выступил с докладом «Guardini e Dostoevskij: “Se Dio non c’è, tutto è

permesso”» на конференции в Вероне. В докладе отмечены несколько важных элементов: диалогичное взаимодействие работы Гуардини с текстом, его глубокое уважение к слову писателя. Также отмечается близость некоторых суждений Р. Гуардини к теории М.М. Бахтина о полифоническом романе. В 2010 г. на немецком и итальянском языках выходит диссертационная работа Л. Кастанджи (L. Castangia) «Il mondo religioso di Dostoevskij: Romano Guardini interprete dello scrittore russo». Работа разделена на две части. В первой исследуются три романа из Пятикнижия: «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»; в каждом обнаруживается одна ведущая тема: красота, любовь, жертва; понятие религиозности используется как «ключ» к творчеству Достоевского. Во второй части анализируется книга Гуардини о Достоевском в отношении к наследию Гуардини в целом, и рассматривается, с одной стороны, как главные понятия философии и богословия Гуардини отражаются в этом труде, с другой, как работа над произведениями русского автора повлияла на мышление немецкого богослова. Необходимо также упомянуть работы итальянского философа С. Дзукала (S. Zucal), посвященные ключевой роли герменевтических исследований Гуардини для понимания всего наследия автора («Romano Guardini e la metamorfosi del religioso tra moderno e post-moderno: un approccio ermeneutico a Hölderlin, Dostoevskij e Nietzsche», 1990). В России Гуардини привлек внимание скорее как философ; большой резонанс имел его труд «Конец нового времени», о котором писал С.С. Аверинцев («О книге Гвардини “Конец Нового времени”», 1976). В 2009 г. он вышел в новом переводе; в том же номере журнала ИНИОН РАН был опубликован и новый перевод книги о Достоевском, однако предисловие к нему является лишь справочным. В рамках исследований о Достоевском, цитирующих Гуардини, стоит упомянуть работу Н.О. Лосского «Достоевский и его христианское

миропонимание» (1953). На русском языке вопрос о герменевтике художественных произведений у Гуардини поднимается переводчиком А.В. Перцевым в предисловиях к русским изданиям трудов о Данте («“Божественная комедия” Данте: Ее основные религиозные и философские идеи», 2020) и Гёльдерлине («Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность», 2015), в обоих случаях представляя русскому читателю содержательный обзор жизни и работ Гуардини. В них, однако, исследователь рассматривает работы Гуардини по литературе как «стратегию» автора по обращению в христианство и приучению молодых людей к вере. Этот подход представляется ошибочным, поскольку Гуардини не был заинтересован в апологии католицизма, о чем он открыто заявлял: он обращался к литературе не потому, что она может увлечь студентов, а в силу собственной нужды в диалоге с великими мыслителями.

О книге **Д. Барсотти** «Dostoevskij. La passione per Cristo» на итальянском языке писали Ф. Кастелли (F. Castelli), С. Дживоне, К. Фиаски (C. Fiaschi), однако они ограничивались пространством статей или предисловий. Совсем недавно в Италии была опубликована диссертационная работа А. Болоньези (A. Bolognesi), посвященная отношениям Барсотти с русским православием, где рассматривается в том числе его восприятие творчества Достоевского («Trasfigurazione. La vocazione ecumenica di Divo Barsotti», 2024). Примечательно, что в работах западных исследователей (Э. Римоли, С. Алоэ, Л. Жака) книга Д. Барсотти, хотя и упомянута в библиографии, обходится без отдельного анализа. Вероятно, отсутствие исследований, посвященных этому тексту, обусловлено его более свободным, непринужденным стилем изложения, который приближает его к публицистическому творчеству — особенно на фоне строгой последовательности, характерной для Гуардини и более поддающейся

анализу. В российском литературоведении, в противовес этой нехватке, очевидна частота упоминаний Д. Барсотти в контексте исследований о Ф.М. Достоевском.

О методе работы **Л. Джуссани** с литературой в 2018 г. вышла статья Дж. Масперо (G. Maspero, «“Non più s’inventan gli uomini, ma sono”. Cristocentrismo letterario e introduzione alla realtà secondo don Giussani») в рамках коллективной монографии о его богословском наследии («Luigi Giussani. Il percorso teologico e l’apertura ecumenica»).

Новизна диссертационной работы обусловлена тем, что при растущем числе исследований, уделяющих особое внимание духовному содержанию произведений Достоевского, все еще не существует обоснованного представления о том, как рассматривали этот вопрос католические критики. В ней впервые описывается рецептивный контекст — ситуация Церкви, в рамках которой возникает читательская потребность в творчестве Ф.М. Достоевского; выявляются вопросы, которые католические мыслители обращают к нему. Труды Р. Гуардини и Д. Барсотти впервые рассматриваются в свете особенностей мышления и метода работы с текстами, свойственных каждому автору. Впервые вводится в поле русской науки и в контекст филологических исследований большое количество материалов, посвященных творчеству Достоевского, недоступных на русском языке. Впервые проведен сравнительный анализ разных толкований романов «Идиот» и «Преступление и наказание» в католической критике. Новой также представляется попытка описать и проанализировать (на примере отдельного автора — Л. Джуссани) усвоение художественного слова Ф.М. Достоевского для его использования в католической гомилетике.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней представлены и проанализированы разные методы работы с художественным

текстом, несущим в себе богословское содержание, и разные аспекты читательского запроса к такому тексту. Интерес католических мыслителей к выявлению авторской позиции Ф.М. Достоевского в то время, когда вопрос о ней не ставился ни в советском, ни в западном литературоведении, обогащает работы Р. Гуардини и Д. Барсотти рядом методологических приемов и понятий, важных для достоевистики (и для литературоведения в целом) сейчас, когда этот вопрос заново выходит на первый план. Анализ упоминаний имени Достоевского и его произведений в искусстве католической гомилетики (на примере Л. Джуссани) позволяет рассмотреть особый путь освоения творчества Ф.М. Достоевского, его востребованность и плодотворность в культурных пространствах, отличающихся от того, в котором оно создано.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы при изучении 1) проблем функциональности литературы и читательского запроса к художественному тексту; 2) богословского содержания художественной литературы; 3) католической рецепции творчества Ф.М. Достоевского; 4) рецепции творчества Ф.М. Достоевского на Западе; 5) богословского содержания творчества Ф.М. Достоевского. Также они могут использоваться в соответствующих вузовских курсах.

Теоретико-методологическая база исследования

Работа опирается на разные методы исследования, принятые в гуманитарных науках: исторический, биографический, герменевтический.

Исторический и биографический фон исследования создается благодаря обращению к трудам по истории и богословию Католической церкви в XX в., а также биографов отдельных ее деятелей (работы А. Маркетто, П.Б. Михайлова, Х.Б. Герл-Фальковиц, А. Савораны, А.

Болоньезы, и др.). Поскольку исследование является филологическим, в нем сделан упор на герменевтический подход и предпринята попытка герменевтического прочтения тех текстов, в которых слово Достоевского толкуется (Р. Гуардини, Д. Барсотти) или же используется как часть собственного высказывания (Л. Джуссани). После проведения такого анализа ставится вопрос о соответствии или несоответствии комментариев католических мыслителей авторской позиции Достоевского, как она была описана в трудах российских ученых последних тридцати лет. В частности, ориентиром для данного исследования послужили работы Т.А. Касаткиной, где художественный метод Достоевского рассматривается в связи с вопросом о его богословии («Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания», 2019, и др.), а также К.А. Степаняна («Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского», 2010, и др.), Б.Н. Тихомирова («“... Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком”: Статьи и эссе о Достоевском», 2012, и др.), исследовавших религиозный фундамент творчества писателя. Под руководством Т.А. Касаткиной в 2021 г. вышла коллективная монография, посвященная вопросу о богословии Ф.М. Достоевского, исследуемом филологическими методами («Богословие Достоевского», 2021).

В основу герменевтического анализа текстов Р. Гуардини, Д. Барсотти, Л. Джуссани, Ф.М. Достоевского положен субъект-субъектный метод исследования литературы и культуры, разработанный Т.А. Касаткиной и изложенный в книге «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания». Поскольку предметом исследования являются методологические особенности работы Р. Гуардини, Д. Барсотти и Л. Джуссани с художественными текстами, учитывались и в определенной мере использовались свойственные каждому автору методы и теории,

согласно принципу, выраженному М.М. Бахтиным: «Понять — это значит найти его <понимаемого> собственную меру и мерить его этой мерой (а не чуждой ему)»⁷.

Положения, выносимые на защиту

1. Творчество Ф.М. Достоевского оказало значительное влияние на мышление ключевых фигур католической культуры XX в., став фактором формирования среды, сопровождавшей Второй Ватиканский Собор и сохраняющей свое значение до сегодняшнего дня. Католическая рецепция личности и творчества Ф.М. Достоевского представляет особый интерес для исследователей русской литературы, поскольку позволяет увидеть яркий пример взаимоотношения русской и западной культур, а также взаимодействия русской литературы с разными областями гуманитарного знания.

2. Католическая рецепция личности и творчества Ф.М. Достоевского развивается в двух главных направлениях, которые можно описать понятиями *экзегезы* и *эйсегезы*. Объединяет эти два направления тот факт, что, вне зависимости от практик работы с текстом, католические авторы всегда сосредоточены исключительно на поиске истины о человеке через диалог с писателем. Этот диалог развивается на фоне конкретных вопросов, возникающих у Католической церкви в XX в. относительно усиливающегося нигилизма современного мира и роли свободы в постижении христианской истины. Эти вопросы ведут к необходимости изыскивать возможность передачи христианской вести не как отвлеченного знания, а как опыта, что, в

⁷ Бахтин М.М. Собр. Соч.: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложение. С. 609.

свою очередь, ставит задачу исследовать способы передачи такого опыта вне его непосредственного жизненного переживания, специфичные для литературы и искусства.

3. История католической рецепции творчества Ф.М. Достоевского свидетельствует о том, что русский писатель своим творчеством ответил на потребность Католической церкви в литературных произведениях, способных передавать опыт веры через художественные образы. Это явление доказывает, что русский автор в своих произведениях создал пространство, где христианское предание заново актуализируется, позволяя читателю переживать евангельские события в собственном опыте.

4. Родоначальником комментирования Ф.М. Достоевского в католической религиозно-философской критике считают Р. Гуардини, автора книги «Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben». Значимым и оригинальным вкладом в дальнейшее развитие этого направления стал труд Д. Барсотти «Dostoevskij. La passione per Cristo». Герменевтическая установка анализа — отличительная черта работ Р. Гуардини и Д. Барсотти о Ф.М. Достоевском. Эта установка происходит из их бережного внимания к авторскому голосу и отделяет их от контекста западной филологии, которая во второй половине XX в. провозгласила «смерть автора». Интерес к авторской позиции позволил им заметить важные черты христианского послания художественных текстов Достоевского (касающиеся и его содержания, и способа его выражения) в ситуации, практически непригодной для адекватного толкования художественного текста (незнание языка, культуры, и пр.), опережая при этом как западную, так и русскую достоевистику.

5. Рецепция творчества Ф.М. Достоевского в работах Л. Джуссани, показывает, что, в случае плодотворного процесса эйсегезы, комментарии,

на первый взгляд далекие от авторского замысла, всегда обращаются к элементам, которые действительно присутствуют в оригинальном тексте, хотя и в ином виде, и которые комментатор замечает в силу своей конгениальности автору. Когда такой процесс происходит, он способен запустить в филологе, изучающем эти тексты, новый виток герменевтического понимания произведения Достоевского и позволяет переосмыслить задачи художественного произведения, которое сам писатель задумывал как инструмент преобразования читателя.

Соответствие Паспорту научной специальности

Работа относится к области исследования по специальности 5.9.1 «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

В ней представлен и проанализирован важный этап истории рецепции русской литературы на Западе (см.: задачи № 1, 2, 3, 4 и положения № 1, 2), что соответствует пункту № 25 Паспорта научной специальности 5.9.1: «Россия и Запад: их литературные взаимоотношения».

История католической рецепции Ф.М. Достоевского поднимает ключевой для филологической науки вопрос о взаимоотношениях между литературой и другими видами гуманитарного знания. В частности, в данной работе рассматривается вопрос о том, как духовные мыслители могут говорить о художественной литературе в своих работах и как художественная литература может стать местом особого богословского высказывания. Таким образом, работа раскрывает сложные и глубинные связи между духовной словесностью и светской литературой на примере конкретного историко-литературного явления. Эти аспекты отражены в задачах № 2, 3, 4 и в положениях № 1, 2, 3 и соотносятся с пунктами № 17 («Многообразие связей художественной литературы с сочинениями

историков и философской мыслью») и № 18 («Роль духовной словесности в становлении светской литературы») в Паспорте научной специальности.

Вопрос о рецепции творчества Ф.М. Достоевского исследуется здесь с точки зрения функциональности литературы и читательского восприятия, что позволяет рассматривать пути развития произведения, его востребованность и плодотворность в культурных пространствах, отличающихся от того, в котором оно создано (задачи № 2, 3, 4; положение № 2, 3, 4). Также, исследователь ставит перед собой цель определить вклад анализируемых авторов в мировую достоевистику, рассматривая их как с методологической, так и с содержательной точек зрения, а также выявить их актуальность для современной науки о Достоевском (цель, задача № 5, положение № 4, 5). Оба эти аспекта соответствуют пункту № 21 Паспорта научной специальности: «Методология изучения историко-литературного процесса».

Апробация работы

Основные положения диссертации были изложены в виде докладов на конференциях: Международная научная конференция «Богословие Достоевского» (2019); Всероссийская конференция «Летние чтения в Даровом. Достоевский: проблемы восприятия и толкования» (2020); Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» (2021, 2023); Международная конференция «Достоевский в переводах» (2021); Международная научно-практическая конференция «Наука о Достоевском и практика его преподавания в школе и вузе: к 200-летию со дня рождения писателя» (2021); XXXVII Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность» (2022); III Международная научная онлайн-конференция «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» (2024).

По теме диссертации опубликовано 9 научных работ, 4 из них — в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии (212 наименований).

Во **введении** обоснована актуальность диссертационного исследования; описаны объект, предмет и материалы исследования; сформулированы цель и задачи; представлена степень изученности проблемы; определены научная новизна, теоретико-методологическая база исследования, теоретическая и практическая значимость; сформулированы положения, выносимые на защиту; приведены сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава («Контекст рецепции личности и творчества Ф.М. Достоевского в католическом мире») обозначает поле исследования, представляя читателю общую проблематику католической рецепции личности и творчества Достоевского и обосновывая пределы, в рамках которых осуществляется работа: рецепция творчества Достоевского со стороны ярких представителей католицизма, внесших большой вклад в формирование современного католического самосознания. В первом параграфе («Исторические предпосылки рецепции творчества Ф.М. Достоевского католическими мыслителями в XX–XXI вв.») представляется необходимый контекст исследования: кратко рассматривается история Католической церкви XX–XXI вв. через призму наиболее значимых вопросов, которые были поставлены и обсуждены Вторым Ватиканским Собором. На фоне этих вопросов во втором параграфе («Достоевский как собеседник и соратник современного христианина») выявляется актуальность

Достоевского для католического общества с опорой, прежде всего, на книгу «Драма атеистического гуманизма» А. де Любака. Обнаруживаются две составляющие актуальности творчества Ф.М. Достоевского: способность автора помочь современному человеку вернуться к религиозному вопрошанию и его настойчивое напоминание о том, что истина открывается человеку только через свободу. Однако оставался открытым вопрос о том, можно ли, согласно этим авторам, говорить о подлинном христианском послании у Достоевского и о богословской глубине его произведений, или же речь идет лишь о некой «общей» религиозности. В третьем параграфе («Авторская позиция Достоевского: вопросы и ответы») эта проблема рассматривается, исходя из утверждений католических авторов о Достоевском как христианском писателе, за которыми обнаруживается особый опыт, пережитый ими посредством чтения его текстов. Оказывается, они приобрели от него больше, чем смогли впоследствии выразить в своих работах. Это явление демонстрирует специфику ткани произведений Достоевского, который создавал в своих романах пространство для переживания читателем главных евангельских событий. Именно произведения такой глубины были способны ответить на растущую потребность католического общества в литературе как в инструменте передачи опыта вне его непосредственного жизненного переживания.

Вторая глава («Р. Гуардини — родоначальник комментирования Достоевского в католической религиозно-философской критике») сосредоточена на Р. Гуардини и его книге о Достоевском. Этот труд анализируется с учетом теоретических и методологических понятий, ключевых для понимания мысли его автора. В 1923 г. Гуардини назначили профессором кафедры религиозной философии и католического «Weltanschauung» (рус. «миросозерцания») Берлинского университета. Это

событие, с одной стороны, находится у истоков исследовательского интереса Гуардини к Достоевскому, с другой, оно сильно повлияло на формирование его собственного герменевтического метода. В первом параграфе («Католическое мирозерцание (“Weltanschauung”) как горизонт герменевтической работы Р. Гуардини») описываются эти связи, в том числе с учетом историко-биографического контекста. В нем уточняется, как Гуардини понимал термин «Weltanschauung», в чем специфика «католического мирозерцания», как он структурировал свои занятия. Далее особенности работы Гуардини с художественными текстами анализируются исходя из его эссе, посвященных Данте и Достоевскому. Теоретические предпосылки работы Гуардини, описанные раньше, находят свое практическое выражение в этих трудах. В частности, выявляется ряд особенностей метода Гуардини, показывающих, как из решения исследователя исходить исключительно из произведения сама собой вытекает динамика герменевтического круга. Среди этих особенностей были отмечены: постоянное возвращение к тем же деталям, решение как можно больше предоставлять слово автору, избегание упоминаний работ других исследователей, определение тем работ вследствие многократного чтения. Главный вопрос, движущий работу Гуардини с текстом, определяется как поиск той позиции, из которой в произведении осуществляется видение; в этой связи поднимается вопрос о средствах, через которые это видение передается автором. Показано, как за всеми этими вопросами всегда стоит уверенность в том, что «личность» произведения нельзя умалить, нельзя свести ни к биографической личности автора, ни (тем более) к личности исследователя. Процесс чтения требует, таким образом, открытости и честности, постоянной «фокусировки» взгляда. Второй параграф («Работа Р. Гуардини “Религиозные фигуры в произведениях Достоевского. Эссе о

вере»)) сосредоточивается уже непосредственно на труде Гуардини о Достоевском. Описываются обстоятельства его зарождения, анализируется предисловие, а затем вводится философская предпосылка работы — понятие противоположности (Der Gegensatz), являющееся ключевым элементом в мировоззрении Гуардини. Через призму этого понятия становится ясна структура книги, где особую роль играют такие «противоположности», как «народ-личность» и «конечное-бесконечное». Мысли Гуардини, рассмотренные в этом ракурсе, частично перекликаются с размышлениями самого Достоевского в записи «Маша лежит на столе» (1864), что доказывает, с одной стороны, плодотворность пути исследования, выбранного Гуардини, с другой — способность Достоевского передавать через художественный текст свои основные философские и богословские идеи. Затем более пристальное внимание уделяется понятию «народ», которое Гуардини исследует через категорию единства. При анализе этого понятия Гуардини заметил некоторые основные черты творчества Достоевского: глубинную и непосредственную связь сотворенного мира со своим Создателем, но также ожидание Преображения, которое может совершиться в одно мгновение. Эти элементы, почувствованные и частично описанные Гуардини, напрямую связаны с особенностью художественного образа у Достоевского, который, как показывает Т.А. Касаткина, всегда является «двусоставным»⁸. В противоречии с единством, определяющим бытие народа, находится бунт Ивана Карамазова. Толкование поэмы о Великом инквизиторе (самая спорная часть в книге) пристально рассматривается здесь, чтобы выявить причины

⁸ Двусоставность — свойство художественного образа, создаваемого Достоевским, благодаря которому в глубине описываемых событий проявляется вечно развивающаяся евангельская история. См.: Касаткина Т.А. Достоевский: теория образа и теория восприятия искусства // Авторские теории творчества / под. ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 249.

утверждения Гуардини о том, что слова Инквизитора о Христе нельзя прочитывать как атаку на истинную весть христианства. Также упоминаются детали, которые Гуардини упустил в тексте Достоевского, хотя на основании собственных тезисов мог заметить, и раскрывается их значение: фигура молчаливого Христа, жесту которого Алеша подражает, и ответ на вопросы, поставленные в поэме, который Достоевский дает в других частях романа. Истолкование «Идиота» представляется наиболее удачной частью исследования. В связи с этим, в заключительном параграфе («“Идиот” Достоевского в прочтении католических мыслителей») оно анализируется в сопоставлении с другими прочтениями романа, предложенными тремя выдающимися католическими мыслителями XX века: А. де Любаком, Х.У. фон Бальтазаром и Д. Барсотти. Работы де Любака, Бальтазара и Барсотти рассмотрены в хронологическом порядке; работе Гуардини, в которой вопрос о художественном слове в «Идиоте» поставлен наиболее прямо, уделено особенное внимание. Приводится история и описываются проблемы католической рецепции романа, в котором связь между Христом и Мышкиным, с одной стороны, очевидна, с другой — ее можно истолковывать совсем по-разному. Для Гуардини крайне важно, что писатель оставляет читателю полную свободу в истолковании героя: эта характеристика становится для него ключом к произведению и к его содержанию. Мышкин в его концепции не отождествляется со Христом (как думал Барсотти), но он также не «христианин» (гипотеза Бальтазара): в нем Достоевскому удалось создать что-то особое, «символ», который позволяет заново пережить явление Христа в мире, вплоть до соблазна перед Ним. Глава об «Идиоте» выделена как самая оригинальная часть работы Гуардини, где ему в наибольшей степени удалось увидеть и описать образную

составляющую художественного языка Достоевского и его способность создавать место для нового переживания евангельских событий.

В третьей главе («Романы Ф.М. Достоевского как “священная мистерия”: взгляд Д. Барсотти») рассматривается книга католического мыслителя и мистика Д. Барсотти «Достоевский. Христос — страсть жизни». По утверждению автора, его книга отличается от работы Гуардини тем, что та обращена к философскому содержанию произведений, а его исследование рассматривает наследие Достоевского с точки зрения богословия. На самом деле Барсотти замечает важнейший момент в богословии Достоевского: русский писатель говорит только о человеке, но тем самым открывает читателю тайну Божества. Главная категория, через которую Барсотти рассматривает творчество Достоевского, — «*mistero sacro*» («священная тайна» / «священная мистерия»), позволяет ему отдалиться от позиции тех, кто сосредоточен прежде всего на диалектике персонажей, и дает ему заметить развивающуюся в романах драму между Богом и человеком. В первом параграфе («Работа Д. Барсотти “Достоевский. Христос — страсть жизни”») структура книги рассматривается с точки зрения этих установок. Идея о космической борьбе между добром и злом, центр которой находится в каждом человеке, определяет выбор анализируемых героев. Выявляются несколько вопросов, которые в течение всей книги Барсотти обращает к Достоевскому: верит ли Достоевский в Бога или для него Бог — это только «русский бог»? Христос для него — это факт или миф, образец для подражания или Личность, с которой выстраивается близкое отношение? Положительное начало христианской веры Достоевского Барсотти находит, с одной стороны, в удивительной способности Достоевского исследовать человеческое сердце, с другой — в его страстной любви ко Христу. Благодаря этой любви русский писатель становится «свидетелем» Христа,

как можно заметить в его «символе веры» — послании, которое, согласно Барсотти, стоит у истоков возобновления всего католического богословия в XX в. Второй параграф («“Преступление и наказание” в работах Д. Барсотти и Р. Гуардини») посвящен истолкованию «Преступления и наказания» в трудах Д. Барсотти и Р. Гуардини. Это произведение больше всех подходит для выявления самых оригинальных черт в работе Барсотти и показывает его особое внимание к образу Софии Премудрости Божией в творчестве Достоевского. В обоих истолкованиях романа совсем небольшое место отведено Раскольникову, его теории и причинам совершенного преступления. Эта часть сюжета рассматривается в основном в свете другого героя Пятикнижия, Ивана Карамазова. Примечательно, что для обоих авторов ключом к роману становится Соня Мармеладова, которая для Барсотти олицетворяет присутствие Бога как Премудрости Любви, а для Гуардини отсылает к понятию «Божьего чада» и заповедям блаженств. Согласно Барсотти, через образ Сони Достоевский предлагает читателю высшую форму святости, поскольку в принятии всего, что требуется от нее, вплоть до отдачи себя, своего тела и чести, она живет в непрерывном отношении с Богом, тем Богом, который воплощается во Христе. Именно поэтому центральную роль в романе играет текст Евангелия, без которого «роман потерял бы соль» (Барсотти). В обеих книгах особое внимание обращается на образ проститутки и утверждается, что Достоевский наделяет его глубочайшим смыслом, подчеркивая полную самоотдачу Сони Другому и другим. Католические богословы заметили ключевую роль героини в романе, которая осталась сокрытой не только для советских, но иногда и для православных комментаторов, занятых в основном фигурой Раскольникова.

Четвертая глава («Личность и творчество Достоевского в католической гомилетике: случай Л. Джуссани») сосредоточена

не на истолковании, а на «заимствовании» слова Достоевского в католическом богословии, то есть на той ситуации, когда оно используется для создания собственного пастырского высказывания. Это явление рассматривается на материале работ Л. Джуссани. В первом параграфе («Об отношении Л. Джуссани к литературе») рассказывается о том, как у Джуссани возник интерес к русской культуре, и описывается особое значение литературы для его жизни и образа мышления: в великих произведениях искусства он подчеркивает, с одной стороны, религиозное стремление человека, с другой — пророчество (осознанное или нет) о Христе. Затем, во втором параграфе («Эйсегеза слов Достоевского в работах Л. Джуссани») анализируется процесс включения цитат русского автора в работы католического священника. На основе множества примеров отмечены и показаны, с одной стороны, потеря авторского смысла вследствие лишения слов изначального контекста, с другой — возможность всегда обнаружить живую точку в тексте-доноре, позволяющую родиться новым смыслам, которые нельзя рассматривать как полностью чуждые мышлению Достоевского. Третий параграф («Джуссани и “символ веры” Достоевского») посвящен комментариям Джуссани к мотиву «Христа вне истины». Несмотря на осознанное искажение смысла этих слов в книге «Религиозное чувство», Джуссани многократно обращается к «символу веры» Достоевского, с трепетом и уважением относясь к опыту русского автора. В попытке выяснить значение кажущихся далекими от изначального текста комментариев, обнаруживается, что на самом деле они позволяют рассматривать по-новому некоторые важные моменты, а именно: возможность верить во Христа «вне» (не «без») воскресения. Последний параграф («Воспитательный потенциал произведений Достоевского») сосредоточен на цитате из подготовительных тетрадей к «Бесам»: «Можно ли

веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем?». На основе двух текстов показано значение, которое эта цитата имела для Джуссани, в том числе для определения значения общины, зарождавшейся вокруг него, и понимания ее задачи в современном мире.

В заключении подводятся итоги проделанной работы. Внутри растущей потребности Католической церкви XX–XXI вв. вернуться не к знанию, а к переживанию христианского опыта, католические авторы обращаются к творчеству Ф.М. Достоевского, который в своих произведениях предлагает читателю пространство для новой актуализации Евангельского предания. Это движение, во многом почти интуитивное, в работах Р. Гуардини и Д. Барсотти становится попыткой толкования творчества русского писателя. Было выявлено, как внимание к авторскому голосу, которое характеризует эти исследования и из которого проистекает их герменевтическая установка, позволило авторам заметить несколько основополагающих аспектов в философской и богословской концепциях Достоевского, а именно: ключевой вопрос об отношении я-все; особую структуру образа, позволяющую делать каждую вещь/личность символом, местом Преображения; разворачивающуюся в романах драму между Богом и человеком (а не только полифоническую драму между героями); образ Софии — Премудрости Божией, скрывающийся за героинями с этим именем, прежде всего — Соней Мармеладовой в «Преступлении и наказании». Была выявлена вторая отличительная черта этих работ: уверенность их авторов в том, что утверждения и писателя, и толкователя ценны не сами по себе, а лишь в связи с тем, помогают или нет они человеку на его жизненном пути к познанию и переживанию истины. Из этого факта следует диалогическое измерение восприятия Достоевского в католическом богословии, объединяющее экзегезу и эйсегезу его творчества. Анализ работ

Л. Джуссани, где слова Достоевского используются, будучи оторванными от контекста, показал, что в случае плодотворного процесса эйсегезы комментарии, на первый взгляд далекие от авторского замысла, всегда обращаются к элементам, действительно присутствующим в оригинальном тексте, хотя и в ином виде, которые комментатор замечает в силу своей конгениальности автору. Когда такой процесс происходит, он способен запустить в филологе, изучающем эти тексты, новый виток герменевтического понимания произведения Достоевского и позволяет переосмыслить задачи художественного произведения, которое сам писатель задумывал как инструмент преобразования читателя.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ

1. Корбелла К. «Идиот» Ф.М. Достоевского в прочтении католических богословов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 175–184.
2. Корбелла К. Зачем католикам Достоевский? // Русская словесность. 2022. № 6. С. 60–67.
3. Корбелла К. «Преступление и наказание» в работах Р. Гуардини и Д. Барсотти // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 25–44.
4. Корбелла К. Концепт «книга» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 30–54.

Публикации в других научных изданиях

5. *Корбелла К. Ф.М. Достоевский в католическом мире (материалы к теме)* // Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. М: ИМЛИ РАН. 2021. С. 339–402.
6. *Корбелла К. Итальянская рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток»* // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 825–843
7. *Корбелла К. Романо Гуардини: присутствие Христа в текстах Достоевского* // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 146–158.
8. *Корбелла К. Романо Гуардини, читатель Данте и Достоевского* // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). С. 210–226.
9. *Корбелла К. Диво Барсотти: человек, Бог и Христос в произведениях Достоевского* // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3 (11). С. 140–157.